

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. КОНОНОВ

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

А. КОНОНОВ
РАССКАЗЫ
О
ЧАПАЕВЕ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

**„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“**

1987

ДОРОГИЕ РЕВЯТА!

Вы, конечно, хорошо знаете, как в гражданскую войну сражались с белоказаками полки легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева (1887—1919).

О Чапаеве, бесстрашном полководце, о его боевых друзьях Петре Исаеве, Бубенце и многих других, о «чапаёнке» Лиде написал эти рассказы ныне уже покойный писатель Александр Терентьевич Кононов.

Отзывы об этой книге присылайте по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Р и с у н к и И. Г о д и н а

СЛУЧАЙ В ВЯЗОВКЕ

На пыльной улице деревни Вязовки показалось пятеро всадников. Впереди на красивом рыжем коне скакал человек в военной гимнастёрке.

Деревенские ребята сразу узнали его:

— Чапай... Чапай приехал!

У двора с высокими тесовыми воротами всадники остановились.

Из ворот выбежал мальчик лет семи.

— Батя,— закричал он,— а у нас ярмарка!

— Видал, сынок,— ответил Чапаев и соскочил с седла наземь.

Был он невысокого роста, но ладный, статный. Зелёная гимнастёрка, перетянутая кожаными рем-

нями, сидела на нём ловко. У пояса с правой стороны висел револьвер, а с левой — шашка, богато украшенная серебром.

Он тронул рукой свои усы и оглядел деревенскую площадь синими ясными глазами.

На площади стояли возы с сеном. Девчата в ярких, праздничных кофтах гуляли, взявшись за руки. Приезжий горшечник громко расхваливал свой товар. Гармошка играла весёлую плясовую песню.

— Ну что ж, пойдём в избу, Бубенец, — сказал Чапаев.

Потом обернулся к самому молодому из всадников и велел:

— Петя, коней во дворе поставишь.

Четверо приезжих вошли в избу, а пятый взял лошадей под уздцы и провёл их во двор.

Войдя в избу, Чапаев взял со стола кринку, налил в стакан молока и быстро выпил. Потом пододвинул кринку своим спутникам. Ребятишки жались к столу и рассматривали гостей.

На пороге показался плечистый старик с кудрявой бородой.

— Здорово, Василий! — сказал он. — Всё воюешь?

Чапаев усмехнулся и ответил:

— Воюю!

Старик подал каждому из приехавших руку и сел на лавку.

— Я на ярмарке был, когда ты по деревне... пропылил. Я тебя издавека, сынок, признал.

— Ну, как нынче ярмарка — удалась? — спросил старика один из приезжих, которого звали Бубенцом.

— Да как сказать... Знакомых никого не встретил. Всё больше какие-то чужие, дальние.

Бубенец нахмурился.

— Зачем дальним в Вязовку ехать? — Он повернулся к Чапаеву и проговорил: — Василий Иванович, в уезде беспокойно. Не понаехали бы непрошеные гости — беляки. Напрасно мы от отряда так далеко отбились.

Чапаев спокойно ответил:

— Неужто мне и ребятишек своих нельзя повидать? Вот погостим до утра, а там и в поход.

Он подошёл к окну и стал смотреть на улицу. По улице медленно двигались большие возы с сеном. Один воз остановился недалеко от ворот.

— Иди-ка сюда, Бубенец, — позвал Чапаев. — Сено на возах мне что-то не нравится.

Бубенец посмотрел в окно и сейчас же схватился за револьвер.

Чапаев тоже вынул револьвер и проверил шашку — легко ли вынимается из ножен.

На улице из-за воза с сеном торчали дула винтовок, выглядывали чьи-то чужие злобные лица.

Чапаев крикнул ребятишкам:

— Ложись на пол!

Он схватил младшего сынишку и сам уложил его подальше от окна. Двое других, постарше, легли рядом.

Чапаев быстро повернулся к Бубенцу.

— Ну, если это за моей головой приехали... — начал он, но не успел договорить: на улице раздались выстрелы.

В соседней комнате со звоном посыпались стёкла.

— А где Петя? — крикнул Чапаев.

Но Пётр Исаев и два других бойца уже стояли у порога избы с наганами наготове.

— Василий Иванович, — проговорил Пётр быстро, — коней я не рассёдлывал. Нам бы только к коням пробиться.

— Пробьёмся!

Пётр Исаев был парень лет двадцати двух. Он состоял при Чапаеве для поручений, всюду ездил с ним и видал немало сражений.

Снова загремели выстрелы, потом на минуту затихли, и чей-то сиплый голос заорал:

— Выходи-и! Выходи-и, Чапай!..

Теперь все пятеро приезжих во главе с Чапаевым и Бубенцом стояли у окон и дверей с револьверами в руках.

Как только в ворота просунулась чья-то рыжеусая голова, из окошек избы раздался залп. Голова исчезла.

— Во двор! — скомандовал Чапаев.

Чапаевцы выскочили во двор, легли у избы и стали отстреливаться.

Во дворе оказался и отец Чапаева.

— Становись к воротам, — сказал ему Василий Иванович, — когда нужно будет, откроешь их по команде.

Нападавшие не подходили теперь близко к воротам. Они кричали издали:

— Выходи-и! Выходи-и живей!..

Потом они столпились у возов с сеном и стали обсуждать, как бы зажечь со всех сторон избы и выкурить оттуда чапаевцев.

В это время Чапаев, согнувшись, подбежал к своему коню и вскочил в седло. За ним бросились к лошадям остальные.

— Открывай ворота! — негромко скомандовал Чапаев и выхватил шашку из ножен; в левой руке он держал револьвер.

Ворота распахнулись. Пятеро конников вылетели на улицу и врезались в толпу врагов. Те не ждали нападения.

В воздухе сверкнули шашки, послышались крики и стоны раненых. Белогвардейцы попяти-

лись назад, стараясь укрыться за возы с сеном.

В это время к Чапаеву подскочил офицер на белой лошади. Он уже занёс шашку над головой Чапаева, но тот ловко увернулся, поднял коня на дыбы и выстрелил из револьвера.

Офицер повалился на бок, ухватился было за гриву лошади, но не удержался и пополз с седла на землю.

Под Петром убили коня. Конь, тяжело рухнув, придавил ему ногу.

Чапаев увидел это.

Он соскочил с коня, подбежал к Исаеву и помог ему освободить ногу. Потом кинулся на вырубку к Бубенцу. И пора было: Бубенца окружили враги. Он уже расстрелял все пули и теперь еле отбивался шашкой. Кровь тоненькой струйкой бежала по его лбу.

Чапаев рубил направо и налево, а позади него Пётр стрелял в белых из нагана.

Враги не выдержали натиска и бежали.

Пять всадников долго преследовали их, потом вернулись назад.

Исаев первый подбежал к возам и сунул в сено свою шашку. Шашка наткнулась на что-то твёрдое и глухо звякнула.

Бойцы раскидали сено и нашли под ним пулёмёт.

КРАСНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

По степной дороге мчался красный автомобиль.

В нём сидели двое: шофёр и Чапаев.

Чапаев, перегнувшись за борт машины, зорко вглядывался в даль. Позади него стоял пулемёт, дулом назад.

Кругом лежала ровная, выгоревшая от солнца степь. Далеко впереди виднелась колокольня.

Шофёр повёл машину быстрее.

— Ну,— сказал Чапаев,— скоро будем пить чай.

Шофёр поднял голову.

— Чайку неплохо бы теперь, товарищ Чапаев! — проговорил он весело.

Скоро показались и крестьянские избы.

Ещё минута — и машина понеслась по деревенской улице.

Мелькнули зелёные огороды, покосившиеся плетни, жёлтые подсолнухи у чьего-то крыльца... Деревенская пыль поднималась клубами за пролетевшим автомобилем.

На площади, недалеко от церкви, шофёр остановил машину. Чапаев встал.

— Смотри мальчишек к моей пушке не подпускай, — кивнул он на пулемёт.

На улице появилась какая-то женщина. Чапаев крикнул ей:

— Где тут у вас сельсовет?

Женщина испуганно взмахнула руками и скрылась.

Чапаев оглянулся вокруг и понял, что дело

неладно. У церкви стоял и вглядывался в автомобиль человек с погонами на плечах. В нём нетрудно было признать белого офицера. Не сводя глаз с машины, он расстегнул висевшую у пояса кобуру и вынул наган.

Из переулка показалось трое солдат.

— Ну, товарищ, крути,— проговорил Чапаев негромко,— закручивай мотор: в деревне белые.

Шофёр стал быстро заводить не остывший ещё мотор, а Чапаев припал к пулемёту. Он одним взмахом повернул его дулом к церкви и прицелился.

Шофёр присел как можно ниже к земле и крутил изо всех сил ручку мотора.

— Не успеешь закрутить — пропали мы,— сказал Чапаев.

В это время у церкви, где стоял офицер, раздался револьверный выстрел. Пуля пропела над самым ухом шофёра. Но он уже завёл мотор и вскочил в кабину.

Машину сильно рвануло — шофёр сразу взял самую бешеную скорость.

Теперь со всех сторон бежали к ним белые. Но скоро остановились: машина круто повернула, Чапаев открыл стрельбу из пулемёта.

Пули полукругом легли по всей улице.

В конце деревни уже показались скачущие во весь дух конные белогвардейцы.

Машину трясло на ухабах. Чапаев, прильнув к пулемёту, стрелял без остановки. Опять метнулись мимо зелёные огороды, старые плетни... Вот уже степь дохнула в лицо сухим и горьким запахом полыни... А сзади неслись белые кавалеристы.

Шофёр нагнул голову к самому рулю и боялся оглянуться. С минуты на минуту он ждал, что пуля пройдёт шину — и тогда конец. А позади, заставляя дрожать весь кузов машины, отрывисто и часто стучал пулемёт Чапаева. И вдруг замолк.

Шофёр услышал чуть охрипший голос Чапаева:

— Патроны кончились.

Автомобиль был уже среди ровной степи. Белые кавалеристы скакали далеко позади. Скоро они и сами поняли, что им не догнать сильную машину, и повернули назад — подбирать убитых и раненых.

Чапаев вдруг засмеялся:
— Вот так напились чаю!

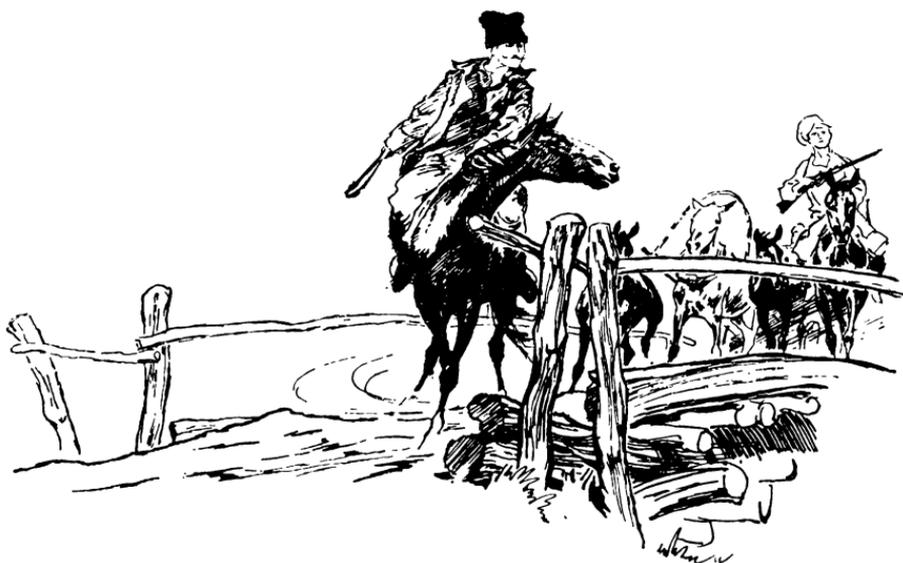
Шофёр не расслышал: скорость была бешеная,
ветер свистел в ушах.

А когда машина пошла тише, шофёр услышал:

По морям, по волнам,
Нынче — здесь, завтра — там...
По-о моря-ам...

Шофёр оглянулся. Положив ладонь на горячее дуло пулемёта, Чапаев пел и задумчиво щурил синие свои глаза.

КЛИНЦОВСКИЕ РЕБЯТА

Однажды Чапаев отправился в разведку.

Он и четверо бойцов ехали верхом. А позади, на тачанке с пулемётом, сидели Пётр Исаев и восьмилетний сын Чапаева, Аркадий.

Наступил вечер. Чапаевцы увидели небольшой лесок и рядом с ним речку. Далеко за речкой виднелась деревня Клинцовка.

Около речки паслось десятка три лошадей. Их стерегли деревенские ребята. Чтобы не испугать ребят, Чапаев послал вперёд своего сына Аркадия.

— Ты кто? — спросили ребята Аркадия.

— Чапаев, — ответил тот.

Ребята засмеялись:

— Ну да! Чапаев небось на громадном коне, и шашка у него серебряная.

В это время Василий Иванович закричал издали:

— Ребята! Вы клинцовские?

— Клинцовские,— ответили они и стали понемногу подходить ближе.

— Что вы тут делаете?

— А мы коней караулим, чтоб их враги не угнали.

— В деревне, значит, белые?

— Ага.

— Много их там?

— Много.

Чапаевцы сошли с коней и стали совещаться.

Тени от деревьев становились всё длинней, солнце стало опускаться за верхушки деревьев.

Ребята нарубили было сучьев для костра, но как только увидели пулемёт — про костёр забыли. Они всё ближе подходили к тачанке.

— А вы смелые? — спросил их Чапаев.

— Ну понятно, смелые,— ответил самый старший парнишка; было ему лет четырнадцать.

— Белых из деревни выгнать хотите?

— Хотим.

— Ну, тогда слушайте меня,— сказал Василий Иванович.

Он велел ребятам нарубить ивовых палок и содрать с них кору.

Потом Чапаев приказал:

— Когда станет совсем темно, садитесь на коней и скачите к Клинцовке. Да палками, как

саблями, повыше размахивайте. А как услышите выстрелы, тикайте по домам. Ясно?

— Ясно, — ответили клинцовские ребята.

Пока стругали ивовые палки, примеряли их — годятся ли для сабель, — пока садились на лошадей и выстраивались в ряды, наступила ночь.

Ребята помчались на конях к деревне. А Чапаев со своими бойцами подъехал к Клинцовке с другой стороны.

Он выстрелил в темноте из револьвера и бросил вверх ракету. Ракета с шипением взвилась высоко в воздух и рассыпалась синими искрами. Сонные враги выбежали на улицу и при свете ракеты увидели: скачут к ним конные с поднятыми саб-

лями. Потом ракета погасла, и всадники скрылись в темноте.

А в это время с другой стороны деревни застучал пулемёт, загремели револьверные выстрелы.

Едва успели белогвардейцы схватить оружие, как на них налетели конники с Чапаевым во главе.

Белоказаки растерялись. Теперь они видели, что красные несутся на них со всех сторон. И враги побросали оружие, начали прятаться по дворам.

Чапаев со своими пятью бойцами стал объезжать дворы и забирать пленных. А в это время клинцовские ребята с ивовыми палками сидели уже по своим избам. Как велел Чапаев, они при первом выстреле бросились бежать в разные стороны.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Отряд Чапаева увеличивался с каждым днём. В нём было уже несколько тысяч бойцов — целая дивизия.

И стал Чапаев начальником дивизии.

А комиссаром к нему прислали Дмитрия Фурманова.

Однажды ночью пошёл Фурманов проверять красноармейские посты. Он увидел посреди деревни костёр и подошёл поближе.

У костра сидели красноармейцы, кипятили в ведре воду и вполголоса вели разговор.

— А кто он будет?.. Из каких он, Чапаев-то?..

— Из таких, как мы с тобой. Плотник он. До

войны с пилотом и топором всю Саратовскую губернию обошёл да всю Уральскую область. Он тут каждую деревню знает. Без карты все пути-дорожки, все тропочки до самого Урала помнит. А сам он крестьянин, бедняцкого рода, Балашовского уезда, Саратовской губернии. С малых лет работать пошёл. Было ему лет двенадцать, отдали его к купцу — товар отвешивать на весах. И стал его купец учить, как обвешивать да людей обманывать. А он не хочет. Купец его за это и прогнал.

— Прогнал?

— Выгнал вон из своей лавки. А Чапаев — сам знаешь, какой он, — неужто стерпит?! Он и тогда за правду стоял. Купец богатый, а Чапаев не испугался. «Жулик ты!» — говорит...

— О?!

— Купец тут от злости чуть не задохнулся. Не привык к правильному разговору. «Я, говорит, знаешь что с тобой по закону сделаю?» А у буржуя какой закон? «Захочу — в гроб заколочу» — вот какой у него закон. «Я тебя, — кричит купец Чапаеву, — не только из моего дома, я тебя и из села выгоню!» Василий Иванович поглядел на него да и отвечает: «А совсем с земли прогнать меня не можешь? И то ладно. А я тебя, гляди-ко, выгоню, дай срок!» И вот, видно, срок этот настал!.. Вот с каких пор Чапаев вражду с буржуем ведёт...

Разговор на минуту умолк.

Фурманов присел к огню на корточки, достал уголёк и раскурил им свою трубку.

Один красноармеец проговорил негромко:

— Расскажи, Еремеев, про часы.

Плечистый боец в чёрной папахе откликнулся:

— Да ведь рассказывал уже...

— А ты ещё раз расскажи. Вон товарищ, — красноармеец кивнул на Фурманова, — небось не слышал.

Еремеев помолчал немного и потом начал:

— Было это, когда мы белоказаков выбивали из станицы Сломихинской. Не дошли ещё до станицы — ранили меня в голову. Минут десять я, должно быть, без памяти пробыл. Ну, а потом сделали мне перевязку, взял я винтовку, опять пошёл вперёд. Иду, а сам шатаюсь. Погляжу на небо — солнце мне чёрным кажется.

— Ослабел, значит?

— Ослабел. И не то чтоб от боли, а скорей всего — много крови потерял. Да. Иду, шатаюсь. Подпираюсь винтовкой. Долго ли шёл, и не помню. Гляжу — Чапаев передо мной. «Ты куда? — спрашивает. — Тебе в госпиталь надо, отдыхать, рану залечивать». Поглядел я на Василия Ивановича, и вроде веселей мне стало. Отвечаю я ему громким голосом: «Нет, говорю, товарищ Чапаев, отдыхать мне ещё не пора». Глянул он на меня, помолчал. Потом вынимает из кармана часы и подаёт мне: «Носи! Помни Чапаева». Я заробел было, не беру часов: «Что ты, Василий Иванович! Часы тебе самому нужней...» А он как осерчает: «Бери, говорю, заслужил награду! А Чапаев своего слова никогда не менял!»

— А дальше? — спросил Фурманов.

— Что ж дальше... Взял я часы, пошёл в бой. Вода в ведре закипела. Еремеев вынул из костра жжёную хлебную корочку и бросил её в ведро — заварил чай.

— А давно ты знаешь Чапаева? — опять спросил Еремеева Фурманов.

— Давно. Да по всей земле пройди — небось везде его знают. Про Чапая слава далеко идёт.

Один из красноармейцев зашевелился у костра и сказал:

— Чудно́ мне другой раз покажется: такой же вот простой человек, как мы с тобой, а смотри, чего достиг.

— Простой-то он простой, а всё ж таки особенный. Я по своему званию плотник. И Чапаев плотник. А выходит: таких, как мы с тобой, много, а Чапаев — один.

Еремеев замолчал.

Фурманов курил и думал о Чапаеве: любят и уважают его бойцы. Да и не только бойцы, а и крестьяне, всё население. Поговорит крестьянин с Василием Ивановичем и сразу увидит, поверит: побьёт Чапаев белогвардейцев! Выступит он с речью — всё кругом затихнет. Как будто и обыкновенные, простые слова говорит, а слушают его так, что боятся дышать громко.

Любит народ своего героя.

Молодой красноармеец перебил думы Фурманова:

— Вчера подивился я на Чапаева, как он вышел в круг плясать. Пояс на себе поправил, шаш-

ку подхватил да как пойдёт! Только шпоры звенят да папаха назад валится...

— За то и люб он бойцам,— ответил Еремеев.— Сегодня он из одного котелка с тобой похлебаёт, под гармонь вместе спляшет, а завтра в бой поведёт — гроза-командир. И тут уж ему слова напротив не скажешь. Да и что говорить! С ним идёшь — не боишься. Знаешь, что у Чапаева всё обдуманно, всё рассчитано да на карте размерено. Ошибки у него в бою не бывает.

Начинался рассвет.

Фурманов поднялся от костра, жалея, что не может дослушать до конца разговор красноармейцев. Он решил, что бойцы его так и не узнали.

Но как только он ушёл, Еремеев проговорил:

— Новый комиссар. Фурман — фамилия. Василий Иванович его признал, да не сразу. Тот приехал: «Вот мои бумаги». А Чапаев ему: «Я командира и комиссара в бою признаю». Бумаги, мол, бумагами, а ты покажи себя под пулями. Ну, а теперь признал Василий Иванович комиссара. Теперь они друзья-товарищи.

Красноармейцы замолчали и стали прислушиваться.

— Поёт...— сказал вполголоса парень.— Ух, и любит песню!

И в самом деле в избе затянули песню.

Это была любимая чапаевская: «Сижу за решёткой в темнице сырой».

Запевал сам Василий Иванович.

Командиры и красноармейцы дружно подтя-

гивали: эту песню знали в дивизии все. Но пели недолго.

Чапаев на рассвете уезжал вместе с командирами на передовые позиции: ждали большого боя.

Чапаев подошёл к своему коню и вскочил в седло.

Вольный ветер прилетел из степи, донёс запах цветов и скошенной травы.

Солнце подымалось над росистой, остывшей за ночь землёй.

Б О И

Впереди виднелась станица.

Она была занята уральскими белоказаками. Слева от станицы, на холмах, стояли высокие ветряные мельницы.

Чапаевцы наступали с трёх сторон: два полка обходили станицу с боков, а посередине, в самом опасном месте, шёл полк иваново-вознесенских рабочих.

Белые начали пулемётный обстрел раньше, чем можно было ожидать. Но пули неслись не из станицы. Пулемёты противника били с высоких ветряных мельниц, стоявших в стороне на холмах.

Чапаев привстал на стременах и зорко глядел в бинокль. Рыжий конь горячился под ним, не хотел стоять на месте. Чапаев повернул его и по-

скакал в ту сторону, где стояли наши тяжёлые орудия. На всём скаку он махнул рукой командиру батареи, и тот подбежал к нему выслушать приказ.

— Бить по ветрякам! — закричал Чапаев.

Командир бегом бросился к своей батарее. Теперь орудия гремели с обеих сторон. Казалось, само небо готово расколоться.

А Чапаев скакал уже в другом конце поля. Чёрная бурка его распласталась по ветру, как крылья.

Иваново-вознесенцы слышали позади себя его голос:

— Пулемёты в порядке? Патронов хватит?..

И бойцы, чувствуя, что Василий Иванович неподалёку, смотрели веселей, старались подтянуться, выглядеть молодцами, походить на него самого.

Бой разгорался.

Вдали пылала ветряная мельница — её зажгли снаряды нашей артиллерии. Сквозь шум боя с холмов доносился громкий треск: взрывались в огне пулемётные ленты.

То тут, то там с оглушительным грохотом вырастал чёрно-рыжий куст огня. Санитары подбирали первых раненых.

Вдруг бойцы замерли: неприятельский снаряд разорвался на том самом месте, где находился Чапаев.

Все видели, как поднялся на дыбы его рыже-золотистый конь и пропал из глаз вместе с всадником.

Но рассеялся чёрный дым, и видят бойцы — скачет вдоль цепи Василий Иванович невредимый. Осколки снаряда пролетели вокруг него дождём, а его самого не задел.

Со стороны станицы слышались крики, гиканье, топот: то летела в атаку конница белых.

Красные пулемётчики припали к пулемётам и ждали.

Раздалась команда:

— Огонь!

Грянул залп. И тут же застучали пулемёты.

Вот упал один белогвардеец, другой, взвилась на дыбы раненая лошадь и запрокинулась на спину. Другая лошадь носилась, как безумная, по полю под выстрелами и тащила за собой казака: видно, он, когда падал, не успел вынуть ногу из стремени.

— Огонь!!

Снова залп. И сухой треск пулемёта.

— Огонь!!!

Над холмом поднялось огромное багровое пламя: сбита была нашим орудием и запылала вторая мельница.

Ещё два залпа дали чапаевцы. И белые не выдержали — один за другим стали поворачивать коней назад к станице.

В это время послышался тяжкий гул: с левой стороны станицы показались два неприятельских броневика. Они были посланы, чтобы смять красноармейские цепи и расстрелять бегущих.

Но случилось то, чего никак не ожидали враги.

Броневики были уже близко, а цепь иваново-вознесенцев не дрогнула. Она только слегка раздвинулась и пропустила их. Когда один из броневиков был совсем рядом, красноармеец Андрей Крутов поднялся во весь рост и кинул гранату под колёса. Раздался треск, и броневик застрял на месте, окутанный чёрным дымом. А другой круто повернул назад.

Теперь горели уже все три ветряка. Ветер раздувал пламя. Пулемёты со стороны мельниц замолкли.

Из станицы снова вылетела конница против-

ника. Теперь, на близком расстоянии, она была для пехоты страшной.

Но тут в цепи красных послышались радостные возгласы:

— Чапай! Чапай!..

Отведя в сторону правую руку с остро отточенной шашкой, он весь перегнулся вперёд и как будто хотел опередить своего скакуна, который и так летел далеко впереди эскадрона.

Не только наши бойцы узнали Чапаева. Узнали его и белые. И вот, один за другим, белоказаки стали поворачивать коней назад.

Напрасно размахивал саблей офицер. Напрасно старался он остановить своих всадников.

Ещё минута — и вслед за конницей иваново-вознесенцы ворвались в станицу.

За станичной улицей расстился степной простор. И увидели герои-бойцы, как далеко в степи скачут, подымая пыль, всадники: то спасались бегством остатки белых.

«ЧАПАЕНОК»

Отряд Чапаева стоял на отдыхе в большом селе.

Рядом с избой, где остановился Василий Иванович, был двор Лагутиных. В семье Лагутиных самым младшим был Гриша. Ему шёл пятый год.

Однажды Гриша отправился к Чапаеву один, тайком от сестры. Сестра казалась ему большой — ей пошёл уже тринадцатый год, играть в войну она не хотела и вообще была девочкой, с ней даже разговаривать было скучно.

Гриша вошёл во двор и неторопливо зашагал вперёд.

Кругом было много интересного. У хлебов сто-

яли две осёдланные лошади, мотали головами, звенели уздечками. Сёдла на них были жёлтой кожи, стремена висели высоко, по-казачьи.

В пыли бродил одинокий петух. Он гордо выгнул шею и поглядел на Гришу жёлтым сверкающим глазом.

В самом конце двора, около сарая, росли лопухи. Вот бы порубить их ивовым прутом так, чтобы они легли наземь, как беляки под саблей Чапаева!

Но недалеко от лопухов сидел на широком бревне Пётр Исаев. Ворот рубахи у него был растёгнут, стальная потемневшая цепочка вилась через всю его грудь и кончалась большим кольцом. Кольцо было приделано к ручке нагана, а сам наган торчал из-за широкого кожаного пояса.

По-особенному сидела на нём и папаха, сдвинутая на затылок так далеко, что вот-вот свалится. К папахе была наискось пришита красная лента.

Пётр Исаев лениво притопывал каблуком, позвякивал шпорой и глядел на Гришу Лагутина.

— А вам куда, гражданин? — строго закричал он.

Гриша остановился.

— Где был? — уже тише спросил его Петька, сел на бревно поудобней и положил на колени длинную шашку в чёрных ножнах.

Гриша оробел, но не очень. Он ни в чём не был

виноват. С самого утра он вёл себя смиренно. А на петуха с жёлтым глазом даже и не замахнулся.

Помолчав немного и пососав палец, Гриша решил ответить:

— Ходил на речку с тётёй Настей.

— А почему?

— Бельё полоскать.

— А почему?

Гриша поглядел искоса, боком. Петра Исаева он знал уже с неделю, но понять его не мог: то смеётся, то пытается всякими вопросами, а то и сахару даст.

Сейчас Пётр грозно хмурил свои реденькие, выгоревшие на солнце брови.

Грише и боязно стало, и уйти не хотелось от мужчины, увешанного оружием.

— Почему? — повторил Исаев.

— Чтоб чистое было, — ответил наконец Гриша.

— А как тебя зовут?

— Небось знаешь: Гришкой.

— А почему Гришкой?

Гриша уже начал расстраиваться, но тут Пётр вскочил с бревна:

— Доброго здоровья, Василий Иванович!

Гриша оглянулся: от ворот шёл к дому Чапаев. Он весело похлопывал хлыстом по своим запылённым сапогам.

— Эй, орёл, с чего загрустил? — спросил он Гришу.

Тот пыхтел и ничего не отвечал.

Чапаев стоял перед ним ладный и красивый, как всегда. Коричневые ремни пересекали его гимнастёрку, револьвер висел в тяжёлой деревянной кобуре, сапоги были ловко подтянуты у колен ремешками.

— А сабля твоя где? — сказал наконец Гриша.

— Дома оставил. Придёшь в гости — покажу.

— А когда?

— В гости-то? Да хоть сейчас. Я тебя на саблю верхом посажу: тут тебе и конь, тут тебе и оружие.

Чапаев взял Гришу за руку и повёл к избе.

Часовой, стоявший у крыльца, пропустил их улыбаясь. Но только они прошли, как через двор пролетела к избе Гришина сестра Лида.

— Пришёл Чапаев? — запыхавшись, спросила она часового и поднялась было на крыльцо.

Часовой загородил дверь винтовкой:

— А зачем тебе товарищ Чапаев?

— Я к нему в отряд хочу.

Часовой захохотал:

— В отряд? погоди, дочка, годов семь. Подрасти. А тогда и в отряд.

— Да, подрасти! Пока подрастёшь, и война кончится.

— Не кончится. Мы без тебя не справимся.

Девочка вдруг быстро нагнулась и под дулом винтовки прыгнула к двери.

— Стой! — закричал часовой.

На крыльцо выглянул Чапаев:

— Что за шум?

— Да вот, Василий Иванович, девчонка чапаевцем хочет стать. А я говорю: мала, подрасти сперва.

— Ты чья? — спросил Чапаев девочку. — Как тебя зовут?

— Лидкой. По фамилии Лагутина.

Василий Иванович знал историю семьи Лагутиных. Павел Лагутин сражался против белых в Уральске. Дети его жили у тётки Насти. Тётка не очень-то была рада, что ей пришлось кормить двух детей: в то время в деревнях близко от фронта хлеба не хватало.

— А, теперь я тебя узнал. Это твой отец — Павел Лагутин? — спросил Василий Иванович.

— Ага.

— Ну, заходи, Лида. Твой брат Григорий Павлович у меня гостит.

Лида вошла в горницу и сразу стала сердитой.

— Гринька, ступай домой сейчас же! — крикнула она брату.

Гриша стоял около скамейки, где лежала шашка Чапаева. Он как раз собирался потрогать пальцем серебряную рукоятку.

— Как же, «ступай»! — проговорил он басом. — Умная какая! Сама ступай!

Василий Иванович покрутил усы, походил по комнате, подумал.

— Ну ладно, Лида, — сказал он наконец. — Мала-то ты мала, да, знать, шустра. Придумаем тебе в отряде дело.

Так и осталась в отряде Лида Лагутина.

Бойцы скоро её полюбили и прозвали «чапаёнком». Один раз даже позволили ей пойти в ночной дозор.

И там ночью, уже под самое утро, когда человека особенно одолевает сон, Лида заметила какие-то тени, мелькавшие далеко впереди. Она потихоньку поползла назад, к своему батальону, и разбудила красноармейцев. Те быстро вскочили, взяли оружие и встретили врага дружным огнём из винтовок.

Так и не удалось белым напасть на чапаевцев врасплох.

После этого бойцы ещё больше полюбили «чапаёнка» Лиду.

Но однажды был случай, когда она рассердила Василия Ивановича.

Как-то сломалась у неё походная деревянная ложка. Она недолго думая забежала в пустой казачий дом, схватила со стола чью-то ложку и вернулась в батальон.

А когда сели обедать, Чапаев спросил:

— Откуда у тебя такая ложка? Я твою помню — та деревянная была, а эта — железная.

Лида покраснела.

— Да дом-то ведь брошенный, Василий Иванович, — сказала она.

Василий Иванович ударил кулаком по столу.

— На коня! — закричал он.

Лида очень гордилась тем, что она мигом

может исполнить любую команду, а команду Чапаева — тем более.

Она вскочила, выбежала во двор и через минуту уже подъезжала к крыльцу верхом на коне.

Чапаев вышел на крыльцо, поглядел на Лиду сердито и сказал:

— Скачи и положи ложку там, где взяла. Разве может чапаевец брать чужое? Смотри, чтоб в другой раз не пришлось тебе это повторять!

Чапаев даже покраснел — до того рассердился.

Лида скорей поскакала, разыскала пустой казачий дом и положила ложку на место.

С тех пор она ни разу ни в чём не провинилась и с честью носила своё звание «чапаёнка».

А брат её, Гриша Лагутин, вступил в Красную Армию тоже добровольцем — лет на пятнадцать позже.

ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Победили чапаевцы белоказаков и в начале 1919 года двинулись в поход против Колчака.

Царский адмирал Колчак шёл в то время из Сибири на Москву. У него была огромная армия.

Но скоро колчаковцы почувствовали на себе удары Чапаева. Колчак отступил за реку Белую и укрепился там на высоком берегу, у города Уфы. А на другом — низком — берегу реки стояла дивизия Чапаева.

Чапаев не терял ни минуты. Бойцы вязали из брёвен плоты, готовились к переправе. Раздобыли несколько лодок. А тут из села Красный Яр пришла радостная весть: там отбили у белых два парохода.

— Ну, теперь Колчаку не зацепиться,— сказал один из красноармейцев.— Так теперь и покатится из Уфы в Сибирь.

Он поглядел вперёд. Там, за рекой, высилась песчаная гора. На ней видны были дома, казавшиеся издали совсем крошечными. Среди них коричневым столбиком торчала пожарная каланча.

Чапаев подошёл тихо и глядел, посмеиваясь, на красноармейца.

— Что, высокая гора? — спросил он.

Красноармеец быстро повернулся и увидел Василия Ивановича. Он было покраснел, глянул опять на уфимскую гору и ответил:

— Ну что ж, высокая! Всё равно не зацепится Колчак за неё.

Над берегом, где стояли чапаевцы, появился вражеский самолёт и принялся обстреливать переправу.

Как раз в это время приехал командующий фронтом товарищ Фрунзе. Он привёз приказ Ленина — во что бы то ни стало взять Уфу и отбить у Колчака Урал с его заводами и железными дорогами.

Чапаевцы были уверены в победе.

Первым переправился через реку у Красного Яра рабочий Иваново-Вознесенский полк. Но скоро ему пришлось остановиться: нужно было подождать подкрепления, помощи.

А в это время Колчак повёл наступление.

Ивановцы, обороняясь, расстреляли почти все патроны и стали отходить назад, к реке. Вдруг к

ним подскакали несколько всадников. Один из них быстро соскочил с коня, схватил винтовку и пошёл впереди полка. Бойцы узнали в нём Фрунзе.

И таким бешеным был на этот раз натиск героев-ивановцев, что колчаковцы дрогнули и снова отступили.

Однако Колчак не хотел отдавать Уфу без решительного сражения. Целый день шёл кровавый бой. Успех был то на одной, то на другой стороне.

В этом бою Чапаева опасно ранили.

Вот как это было.

Над берегом, где переправлялись чапаевцы, кружил вражеский самолёт. Спустившись как можно ниже, он открыл огонь из пулемёта. Одна из пуль попала Чапаеву в голову. Кровь залила

ему лоб. Он пробовал шутить: «Ничего, мне кровопускание полезно», — а сам зубы стиснул от боли.

Шесть раз пытались вытащить пулю — и шесть раз она срывалась: так крепко засела. Наконец кончили перевязку. Хотели Чапаева отправить в лазарет на лечение, но он отказался и остался в строю.

Тогда же чуть не погиб Фрунзе: бомба убила под ним лошадь, а его самого оглушила.

Вечером к чапаевцам пробрался через фронт один уфимский рабочий. Он рассказал, что ему удалось подслушать разговор белых генералов. Генералы решили рано утром бросить против красных самые сильные колчаковские части.

Это были самые отборные части — они состояли сплошь из офицерских полков, ни одного

солдата в них не было: офицеры шли в бой как рядовые, а командовали ими генералы. Они должны были на рассвете прорваться через позиции красных, окружить дивизию Чапаева и уничтожить её.

Всю ночь чапаевцы готовились к встрече неприятеля. Никто из бойцов не спал в эту ночь.

Рано утром тихо-тихо, без единого возгласа, без лязга оружия, стали приближаться к нашим позициям офицерские полки. Они надеялись незаметно подойти к сонным заставам, переколоть, напугать, уничтожить... Но когда они были уже близко от наших цепей, со всех сторон, по команде, заработали десятки готовых к бою пулемётов.

Лучшие полки Колчака были уничтожены этим огнём. Офицеры частью полегли в поле, среди спелой истоптанной ржи, а частью бежали.

9 июня 1919 года чапаевцы выполнили приказ Ленина: Уфа была взята.

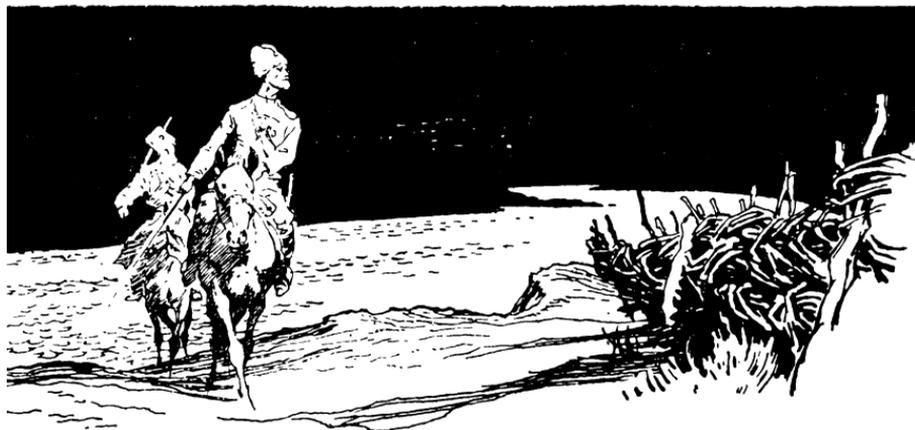

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧАПАЕВА

Но борьба ещё не была закончена. С юга снова начали наступать вражеские войска. Они окружили город Уральск, и Чапаев снова пошёл на них в поход. Он отогнал белых от города Уральска и занял город Лбищенск. За Лбищенском на сотни вёрст кругом тянулась степь.

Белоказаки, отступая, уничтожали всё на своём пути. Колодцы засыпали землёй или отравляли ядом. Бойцы Чапаевской дивизии мучились от голода и жажды. Хлеб сюда не подвозился по неделям.

Красноармейцы собирали в степи зерно, размалывали его прикладом винтовки на камне или на колесе тачанки и ели. От голода и жажды начались болезни.

И всё-таки чапаевцы шли вперёд.

Дальше начинались пески.

Белые хорошо понимали, что если они отступят дальше, то им конец: в песках не найдёшь ни корма лошадям, ни глотка воды. Тогда они решились на отчаянную попытку — уничтожить Чапаева.

Победить его в открытом бою они не надеялись. Поэтому составили план — захватить его врасплох, ночью.

Василий Иванович со своим штабом остановился в Лбищенске, а всю дивизию послал вперёд. С ним остался только небольшой отряд бойцов.

И вот однажды ночью разъезды белых тихо подобрались к Лбищенску и перебили часовых. За разъездами появились казачьи полки. Потом выяснилось, что белым помогла чья-то измена в штабе Чапаева: кто-то предательски снял с ночного дежурства роту курсантов.

Опасность поздно была замечена чапаевца-

ми — белые уже скакали по улицам, стреляя во все стороны.

Чапаев выскочил во двор полуодетый, с винтовкой в одной руке и револьвером — в другой.

Возле него сразу скопилась кучка бойцов. Они стали отстреливаться.

Это был неравный бой, но кончился он не скоро.

Чапаевцы и не думали бежать, хотя врагов было во много раз больше. Они напали на казачков-пулемётчиков. Это нападение было таким решительным и неожиданным, что враги не выдержали и бежали. В руках чапаевцев оказались два пулемёта. Они были повернуты против белых.

Враги поняли, что открытой атакой им чапаевцев не взять. Тогда они стали пробираться через сады и огороды, по задворкам, чтобы окружить красноармейцев.

Когда белогвардейцы показались сзади, чапаевцам пришлось отступить. Отстреливаясь, они стали отходить к берегу реки Урала.

Идти туда надо было в гору, на виду у белых. С горы берег обрывался прямо в волны Урала.

Но больше отступить было некуда: всюду пулемёты врагов.

Чапаев ушёл последним — когда кончились патроны. Пуля пробила ему руку. Он вытер этой рукой своё разгорячённое лицо и оставил на лбу кровавые следы.

Пётр не отходил от него ни на шаг. Он заметил кровь на лице Чапаева и сказал:

— Василий Иванович, голову бы перевязать...

— Голова цела,— отрывисто ответил Чапаев.

Вот и высокий обрыв над рекой. Бойцы помогли Чапаеву спуститься по песчаному крутому обрыву вниз, к реке. Несколько человек отстреливались, задерживая наступление белоказаков.

А как глянули чапаевцы в быстрые волны Урала — у всех замерло сердце: ясно стало, что усталым, израненным бойцам не переплыть реку, не уйти от вражеских пуль.

Но Чапаева надо было спасти во что бы то ни стало. Четыре человека охраняли его со всех сторон.

Двое были скоро убиты — пули белых настигли их у самой воды. Двое других поплыли рядом с Чапаевым.

Пётр остался на берегу Урала и вступил в перестрелку с казаками. Стреляя, он всё оглядывался:

видна ли ещё в волнах Урала голова Василия Ивановича. И видел — плывёт Чапаев. С трудом взмахивая здоровой рукой (другая, раненная, висела, как плеть), Чапаев медленно уходил от врагов.

Белоказаки притащили к реке пулемёт и поставили его наверху, на высоком обрыве.

Пулемётные очереди вспенили воду. Всё вернее брали прицел белые пулемётчики, всё ближе к голове Чапаева падали вражеские пули.

Был убит один из плывущих рядом с Чапaeвым бойцов. А Чапаев плыл всё дальше; слабел, выбивался из сил, но плыл.

Пётр на берегу оглянулся в последний раз назад и отшвырнул в сторону свою винтовку: кончились патроны. Враги кинулись с обрыва к нему, но

он выхватил заветный свой наган, шесть пуль выпустил в наседавших белых, а седьмую — себе в сердце.

А Чапаев всё ещё держался в волнах Урала. Не бежал он! Он уходил от врагов, чтобы на другом берегу собрать подмогу и снова ударить по ним.

Казалось, опасность была уже позади. Близок был берег. Шумела на берегу зелёная осока...

И в это время пуля попала ему в голову...

Уцелел только один спутник Чапаева — второй боец, что плыл через Урал рядом с ним. Выбываясь из сил, он вылез на берег и оглянулся назад: бурлил позади Урал, и никого не было видно в его мутных волнах.

Так погиб народный герой Василий Чапаев.

Красные части скоро отплатили врагам за смерть Чапаева. Без остановки гнали они белых по безводным степям до самого Каспийского моря и, разгромив их, освободили от вражеских войск Советскую землю.

Снова проходили бойцы по тем местам, где воевали они когда-то вместе с Василием Ивановичем Чапаевым. Не верилось им, что нет больше Чапаева: слишком жива была память о нём. И жить эта память в народе будет до тех пор, пока жив сам народ. А народ бессмертен.

СКАЗКА

Иван Егорович, старый конюх из колхоза имени Ленина, прожил долгую жизнь. Он был пастухом, солдатом, плотником, воевал за Советскую власть и видел самого Чапаева.

Ребята из колхоза знали об этом. И вот как-то раз пристали к Ивану Егоровичу:

— Расскажи нам про Чапая.

— Это правда, что он утонул?

А Иван Егорович был не только знаменитый конюх — он славился ещё тем, что знал много сказок и песен. Он сам любил слушать сказки, любил и рассказывать их.

И в тот вечер, когда ребята уж очень пристали

к нему — Расскажи да Расскажи про Чапаева, — старик уважил их просьбу.

— И вовсе не утонул Чапай в реке Урале. Не могло этого быть. Чапай был ловкий. И недаром его хорошим пловцом считали. Урал-то он переплыл...

А вот когда переплыл он Урал, слышит — погоня за ним, казаки летят следом на быстрых конях.

Видит Чапаев — впереди, у самого берега, лес, как стена, стоит, глухой, тёмный. Укрылся он в лесу, а казаки не отстают, догоняют. Слышно, как позади сучья трещат, кони храпят, казаки переговариваются. Некуда Чапаеву податься.

И встретилась тут ему в тёмном том лесу медвежья берлога.

Он и залез в неё.

Казаки мимо проехали. Тогда Чапаев вылез и пошёл в другую сторону.

Шёл, шёл — вышел в степь. А уж вечер: солнце на край земли село.

И видит он в степи палатку. У палатки сидит старик киргиз.

Чапаев ему и говорит:

— Я — Чапаев, красный командир. Укрой меня от врагов.

Старик киргиз ему отвечает:

— Слышал я про тебя, сокол ясный. Тебя вся земля знает. Ты за бедных сражался, жизни своей не жалел.

И поцеловал Чапаева три раза. Потом свистнул на всю степь. А в степи был табун лошадей. И летит из этого табуна жеребец. Ни у одного царя таких коней не бывало. А может, и не давались они в руки царям?

Подводит старик киргиз этого жеребца к Чапаеву:

— Вот тебе конь, он тебя от всех бед унесёт.

Глянул Василий Иванович: стоит перед ним жеребец — весь огненный, на груди звёздочка белая, а глаза умные, как у человека.

Подарил киргиз Чапаеву на прощание серебряную шашку да золочёное ружьё.

— Улетай, сокол ясный. Садись на коня и скачи мимо леса вправо. Пять ночей и пять дней будешь ты скакать на коне, и принесёт он тебя к высокой горе: будет там твой стан, и никто тебя оттуда не возьмёт.

Сел Чапаев в дорогое седло, вскинул на плечо золочёное ружьё, повесил у пояса серебряную шашку. Взялся за поводья.

Тут конь, как ветер, понёсся вдоль леса. Только пыль по земле стелется.

В это время солнце за землю упало, наступила ночь, тёмная-тёмная. Из-за леса белые выехали. Всё кругом обыскали — и лес и степь, а Чапаева не нашли.

Ну, что тут им делать? Вернулись они к своему начальству да и доложили: утонул, мол, Чапаев в Урале.

Вот как дело-то было...

Иван Егорович замолчал.

Ребятам жалко стало, что рассказ кончился.

— Дяденька, а дальше что?

— Что ж теперь Василий Иванович Чапаев делает на горе-то?

— Дядя Иван Егорыч, а кто тебе рассказал про это?

Иван Егорович усмехнулся:

— Кто рассказал?.. Про Чапаева народ рассказывает. А я как умел, так и передал вам. Может, всего и не упомянул.

Что Чапаев теперь делает, спрашиваешь? А вот что. Идёт где-нибудь сильное сражение. Опять, стало быть, с белыми битва происходит. Бывает и так — нашим трудно приходится. Окружат их со всех сторон враги. И сил мало, и патронов больше нет.

Откуда ни возьмись, появляется Чапаев. Летит он на огненном коне, как птица, только бурка по ветру расстилается. Саблей серебряной помахивает.

«За мной, товарищи!» — закричит да прямо на беяков и ударит.

Пропадёт у бойцов страх, разгорятся у них сердца, в атаку за Чапаевым кинутся. Да так рубятся, что ни одного врага не останется. А потом, как опомнятся, — глядь, а Чапая-то нет. Да и был ли он тут на самом деле? Ну, ясное дело — не был. Это для подъёма духа кто-нибудь крикнет: «Чапай впереди!» И только имя его назовут, как бросятся

бойцы в бой и рубятся не хуже, чем, бывало, при нём...

— Дядя Иван Егорыч,— спросил кто-то из ребят,— разве теперь битвы с беляками бывают?

Иван Егорович помолчал и потом разъяснил:

— Это же сказка, что я вам рассказал. Ну только скажу по совести: в каждой хорошей сказке много правды. Только надо подумать над ней, и тогда правда эта откроется...

З Н А М Я

У пыльной дороги, на дне высохшей канавы, лежали бойцы испанского батальона. Далеко впереди, за деревьями, блестела на солнце вода. Там протекала речка.

Ещё с утра был получен приказ: к часу дня опрокинуть фашистов и отогнать их к реке.

Фашисты стреляли без перерыва. На дороге тут и там взлетали кверху клубки пыли: то падали неприятельские пули. Казалось, нельзя поднять из канавы головы — таким частым был огонь фашистских винтовок.

Вправо от испанского батальона засела в такой

же канаве Интернациональная бригада. Она состояла из итальянцев, французов, англичан, поляков, шведов. В ней бились против фашистов рабочие разных стран, студенты, писатели, учителя — все те, кто приехал сюда изда- лека сражаться за правое дело, за испанский народ.

Сейчас они направили огонь из пулемёта на бе- лый домик за деревьями, где засели фашисты. Окна домика были прикрыты деревянными ставнями. Но в них, должно быть, были сдела- ны дырочки, из которых фашисты обстрели- вали дорогу.

Командир отдал приказ идти в атаку.

Бойцы испанского батальона и Интернаци- ональной бригады пошли вперёд с винтовками в руках. Но первые ряды их были сражены пу- лями фашистов.

Укрыться от пуль было негде.

Даже окопаться землёй нельзя: земля здесь была ссохшаяся от жары, потрескавшаяся, по- хожая на камень.

Бойцы не вынесли жестокого обстрела врага и снова отступили за дорогу.

Теперь было ясно: если сделать вперёд хоть десять шагов, смерти не избежать. А пройти под огнём врага надо было не десять, а полтора- ста шагов.

Бойцы легли на землю, боясь поднять го- лову.

И тут случилось неожиданное.

Впереди колыхнулось высокое знамя, на котором был нарисован человек в бурке и косматой папахе.

Это было знамя Четвёртого испанского батальона. Бойцов этого батальона за отвагу прозвали чапаевцами. И они после этого нарисовали на своём знамени портрет Чапаева.

И теперь все увидели: бежит вперёд по полю человек с этим знаменем.

Знамя развернулось по ветру, и на его шелку показалась голова Чапаева в косматой папахе.

По рядам пронеслось:

— Чапаев впереди!

Каждую минуту фашистская пуля могла скосить знаменосца, но он смело бежал вперёд...

И бойцы, забыв про смерть, кинулись за ним.

Они бежали не останавливаясь, перепрыгивая через тела убитых товарищей.

— Чапаев с нами!

Фашисты с ужасом увидели, что ни огонь пулемётов, ни подоспевшее из-за реки подкрепление их не спасут.

Республиканцы бежали вперёд, а перед ними колыхался на знамени портрет человека с ясными глазами, в косматой бурке.

Из-за белого домика показались трое фашистских солдат; они бросили на землю винтовки и подняли кверху руки.

К ним подбежал офицер, что-то крича и раз-

махивая револьвером, но пуля республиканца сби-
ла его.

Через минуту домик, где засели фашисты, был
взят.

У его входа бойцы испанского батальона по-
ставили своё знамя.

На нём был нарисован человек в бурке и
папахе.

СОДЕРЖАНИЕ

Случай в Вязовке	3
Красный автомобиль	11
Клинецовские ребята	16
Ночной разговор	20
Бой	26
«Чапаёнок»	31
Приказ Ленина	39
Последний поход Чапаева	45
Сказка	53
Знамя	59

Кононов А. Т.

К64 Рассказы о Чапаеве/Рис. И. Година.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1987.— 64 с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

10 к.

Рассказы о легендарном герое гражданской войны Василии Ивановиче Чапаеве (1887—1919) и его боевых друзьях.

К 4803010102—092 256—87
М101(03)87

Р2

Для младшего школьного возраста

Александр Терентьевич Кононов

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

ИБ № 9950

Ответственный редактор С. П. Мосейчук. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор Г. Г. Рыжкова. Корректор Т. А. Нарышкина. Сдано в набор 11.06.86. Подписано к печати 23.12.86. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,72. Усл. кр.-отт. 4,19. Уч.-изд. л. 2,47. Тираж 150 000 экз. Заказ № 3685. Цена 10 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Теркацкий пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».